

DOI: 10.46698/VNC.2025.28.21.010

АНАЛИЗ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ НАРТОВСКОГО ЭПОСА НА ОСНОВЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ Э. ДЮРКГЕЙМА И О. КОНТА

Моради Марьям, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского языка и литературы, Университет имени Алламе Табатабаи (Тегеран, Иран); <https://orcid.org/0000-0002-6652-227X>; m.moradi@atu.ac.ir

Рахмани Марзие, магистр, кафедра планирования социального обеспечения, Университет имени Алламе Табатабаи (Тегеран, Иран); <https://orcid.org/0009-0006-3514-7899>; marzie.rahmani67@yahoo.com

В данном исследовании мифы рассматриваются как динамичные явления, которые определяются социальными, историческими, культурными и психологическими факторами. Древние мифы сохраняют популярность в современных обществах, поскольку в них отражена неизменность человеческой экзистенции. Содержание мифов предполагает наличие элементов, не существующих в реальном мире, что позволяет им конструировать желаемую действительность. Вектор исследования направлен к позитивистским теориям Дюркгейма и Конта, привлеченным нами в качестве методологической базы. Концепция их научного познания позволяет глубже понять суть вымышленного в образах мифических героев нартвовского эпоса и мотив включения вымысла в образы персонажей. Дюркгейм полагал, что человек – это существо с неограниченными желаниями, которые требуют контроля со стороны общества, действующего в качестве регулятора общественных отношений. Позиция Дюркгейма объясняет сюжеты, где желания главного героя – отважного воина – сдерживаются внешними обстоятельствами, для преодоления которых требуется приобретение сверхъестественных способностей, которыми миф и наделяет своих героев. Тем самым в общественном сознании формируется убеждение, что неблагоприятные условия, характеризующие объективную реальность, можно преодолеть лишь посредством чуда. В мифе герой может воздействовать на свои неудовлетворенные желания, трансформируя свою слабость в могущество и в победу над обстоятельствами. Он взрослеет в короткий срок (не по дням, а по часам), получает поддержку от говорящих животных и растений и исполняет как индивидуальные, так и коллективные желания, соответствующие социальным ожиданиям.

Ключевые слова: миф, нартвовский эпос, социология, Эмиль Дюркгейм, Огюст Конт.

Для цитирования: Моради М., Рахмани М. Анализ героев нартвовского эпоса на основе социологических теорий Э. Дюркгейма и О. Конта // KAVKAZ-FORUM. 2025. Вып. 21(28). С. 30-40. DOI: 10.46698/VNC.2025.28.21.010

Введение

Миф служит основой культуры и духа народа [1, 25]. В событиях, разворачивающихся в мифах, отражаются и наши собственные же-

лания, которые могут удовлетворяться как в реальности, так и в наших фантазиях. Содержание мифов нередко включает в себя элементы, которых нет и не может быть в реальном мире. Таким образом, с помощью мифа человек может воплотить свои несбывшиеся мечты, компенсируя слабость маленького человека, наделяя его сверхъестественными способностями. Мифы, таким образом, наряду с религией или искусством, выполняли и выполняют компенсаторную функцию в общественной жизни, которую не стоит недооценивать.

В данном исследовании социологические теории Эмиля Дюркгейма и Огюста Конта, связанные с позитивизмом и социальным детерминизмом, применяются для анализа образов героев нартовского эпоса, преодолевающих неблагоприятные обстоятельства внешней среды чудесным образом.

Б. Малиновский считает, что функция мифа заключается в поддержании общественных норм и выполнении обязательств, а также в удовлетворении практических жизненных потребностей [2, 157]. Ч. Керни также утверждает, что миф может находиться под влиянием общества и его времени [3, 5]. С точки зрения позитивизма в социологии, мифы убеждают простых людей в том, что объективная реальность и социальный детерминизм преобладают над волей индивида, сковывая и подавляя ее [4, 48]. Тем самым мифы выполняют и функцию социального регулятора.

Основная часть

Позитивистская школа стремится воспринимать социальный мир как материальный и рассматривает его в контексте естественных процессов [5, 267]. Конт и Дюркгейм, как адепты теории социального детерминизма, анализировали феномен мифа как сферы отражения данной области общественного сознания. Так, в работах Конта отстаивается важная гипотеза о том, что мифы являются результатом культурного развития общества, соответственно в них больше отражается эволюция человека, нежели его неизменная экзистенция. Конт предполагал, что человеческое общество, подобно естественному миру и другим областям Вселенной, подчиняется фундаментальным законам [6, 28]. Конт обосновывал теорию форсированного прогресса человеческой эволюции. По его мнению, на каждой стадии психической эволюции человечества преобладает определенный тип социальной организации и политического господства. С увеличением численности населения общество сталкивается с новыми вызовами в обеспечении средств к существованию. Для преодоления этих

трудностей необходимо использовать новые инструменты, способствующие развитию и поддержанию порядка [6, 30].

Эмиль Дюркгейм рассматривает верования, религию и миф как категории, возникающие в обществе [7, 13]. По мнению Дюркгейма, все, что существует в обществе, отражается в религии, а религия и миф, в свою очередь, отражают все аспекты общественного бытия. Дюркгейм не считает религиозные, мифологические представления и их трансформации извечными и неизменными, полагая, что социальные явления имеют внешний аспект для каждого человека, находятся вне индивидуума и остаются стабильными в течение длительного времени, более того, они «обладают такой силой, что навязываются индивидууму и его личной воле» [7, 2].

Дюркгейм показал, что «основную причину социальной реальности следует искать в предшествующих реальных действиях, а не в индивидуальных состояниях сознания» [6, 188]. Он также осознал, что человек – это существо с неограниченными желаниями, которые могут быть обузданы только через социальный контроль и введение ограничений. Общество создает большое количество регуляторов и должно выполнять ту же роль в удовлетворении духовных потребностей человека, какую организм выполняет в удовлетворении физических потребностей [6, 191].

Позиция Дюркгейма объясняет те мифологические сюжеты, где более слабый герой оказывается победителем более сильного, обуздывая тем самым право сильного и способствуя торжеству справедливости, которая понимается как ценность права как такового. Это подчеркивает важность того, как миф обуздывает неограниченные желания сильного героя – отважного, не имеющего соперников воина – и ставит более слабое существо на высшую позицию для достижения какой-либо цели или исполнения желания, которое чаще всего является социально одобряемым.

Мы привлекли для анализа героев нартовского эпоса с так называемой «двойной компенсацией». Всех их объединяет две характерные особенности: а) их рождение сопровождается смертью или отсутствием отца; б) отец или братья героя заранее убиты более сильным персонажем, и герой, движимый желанием отомстить, вынужден преодолеть свою слабость уже в юном возрасте. В таких ситуациях миф «приходит на помощь»: благосклонность к нему природных явлений, его необычный рост, приводящий, например, к разрушению колыбели и разрыву пеленок, а также чудесное приобретение навы-

ков воина, таких как верховая езда, стрельба и способность сражаться с врагами. И все это в рекордно короткие сроки. Данные характеристики присущи героям с двойной компенсацией.

Приведем несколько сказаний, в которых отражены искомые нами объекты.

1. *«Тотрадз и Сослан».*

Примером присутствия мотива «рождение героя, сопровождающееся смертью отца» является сказание «Тотрадз и Сослан». Сослан убивает всех шестерых сыновей Алымбега из племени Алагатов, и живых остаются только его малолетний сын Тотрадз и дочь. Глашатай объявляет: «Сегодня пятница. Через неделю, в пятницу, на Площадь Игр должна собраться нартовская молодежь для состязаний. У того дома, который не вышлет мужчину, возьмут в пленницы девушку» [8, 419]. Мать Тотрадза, будучи все еще в трауре по мужу и шестерым сыновьям, сидит рядом с колыбелью сына. Услышав плач матери, Тотрадз начинает говорить, разрывает пеленки, и колыбель разваливается под его натиском. Тотрадз просит дать ему коня и оружие, чтобы сразиться с Сосланом, и отправляется на коне с оружием, оставленным отцом. В тот же день Тотрадз подцепляет Сослана на острие своего копья. Однако Сослан, под предлогом необходимости попрощаться с семьей, просит отложить сражение до следующей пятницы. В это время Шатана спешит ему на помощь. Она изготавливает для Сослана шубу из волчьего меха, украшенную ста бубенцами и ста колокольчиками, созданными руками Курдалагона, небесного кузнеца, и привязывает их к гриве коня Сослана. Поскольку конь Тотрадза вскормлен демонами, он боится волков, и, увидев волчью шкуру, начинает паниковать на площади. Сослан следует совету Шатаны, становится лицом к противнику сзади, и, когда конь Тотрадза несет мимо, он вонзает свое копье между плечами Тотрадза, убивая его [8, 423-428].

В данной истории присутствуют такие мотивы, как аномальный рост в детстве, разрушение колыбели, возникновение природных явлений вследствие этого разрушения, говорящий младенец, быстрое овладение навыками верховой езды и боевыми умениями, смерть отца от рук врага, поражение врага.

Сверхъестественный рост Тотрадза и природные явления описаны в сказании «Тотрадз и Сослан» следующим образом: «Сломалась колыбель и во все стороны разлетелись части ее. Одна ее боковина отскочила и ударилась о снеговой хребет – с того-то времени горы

отделились друг от друга. Другая упала в дальнюю степь – с той-то поры холмами и оврагами покрылись степи. Третья боковина упала в лесу, с той-то поры в лесу и появились поляны. Четвертая боковина упала в море – и острова поднялись из глубины его» [8, 420]. Кроме того, необычным было рождение Тотрадза: «Не простого рождения был этот мальчик. За день прибавлялся он в росте на пядь, а за ночь – на четверть. Спереди был он из чистой стали, но со спины – уязвим, как любой человек» [8, 418].

История вновь завершается трагической смертью Тотрадза, что перекликается с трагедией гибели Сохраба из персидского шедевра Фирдоуси «Шахнаме». Хотя эта борьба обречена на неудачу, дух противостояния остается непоколебимым, а его достоинство – безусловным.

2. «Безымянный сын Урызмага».

Другой пример мотива рождения героя в отсутствие отца (в данном случае – в родительском доме Донбеттыра) представлен в сказании «Безымянный сын Урызмага». Сын оказался убит отцовским мечом. Живые не справляли по нему поминки, и он собирается вернуться в страну живых, чтобы принудить их к этому. Получив разрешение у владыки страны мертвых Барастыра, он возвращается в мир живых без ведома отца, встречается его, сопровождает в походах и битвах и даже спасает ему жизнь в опасных ситуациях. И когда Шатана слышит слова мужа о смерти сына, произносит: «Славные мужи, из лучших лучшие и почтенные старые люди, не осуждайте меня, простите, что в голос плачу я перед вами. Хранился у меня в родительском доме Донбеттыра тайный клад – в походе был в то время хозяин наш, когда родился сын у меня. Отдала я сына нашего на воспитание в свой родительский дом. Но и там отыскал его Урызмаг и, жизни еще не видавшего, послал он нашего сына в Страну Мертвых...» [8, 40].

3. «Саууай».

Саууай, сын старейшины Кандза из племени Бората, обладал неправдоподобно большим ростом, что также соответствует анализируемым нами чертам героя: «Унесли Саууая и бросили в расщелину ледника. Подобрали его волки, и волчица выкормила его своим молоком. Не по дням и часам, а по мгновениям вырастал Саууай, и вот стал он охотиться» [8, 448].

4. «Рождение Батрадза» и «Как Батрадза из моря выманили».

В сказании «Рождение Батрадза» Бценон предстает ночью в образе красивой девушки, а днем – в виде лягушки. Она встречается Ха-

мыща, который нарушает свое обещание не показывать Бценон на публике, и говорит ему: «Должна была я родить тебе сына, и если бы он был вскормлен моей грудью, то во всем мире не было бы равного ему. Меч не брал бы его, и не вонзалась бы стрела в его тело. Но что поделаешь! Этому не суждено свершиться. Подставь свою спину, я дыханием своим передам тебе нашего будущего младенца». И тогда подставил Хамыц свою спину. Дыхнула Бценон, и между лопаток Хамыца появилась небольшая опухоль. «Теперь иди и расскажи обо всем Шатане», – сказала Бценон. – Она знает, когда настанет время разрезать эту опухоль... Стала Шатана считать дни и месяцы. А когда наступило время, осторожно разрезала она опухоль на спине Хамыца, и выпрыгнул оттуда раскаленный младенец. Выше поясницы из стали, а ниже поясницы из булата был этот мальчик» [8, 237-238]. Батрадз также обладал гигантским ростом: «На дне моря, у Донбеттыров, рос и воспитывался сын Хамыца. За месяц выросстал он настолько, насколько другие дети выросли за три года. Там дали ему имя – Батрадз, сын Хамыца» [8, 239].

5. «Ацамаз и Алдар Мысыра».

Другой вопрос, заслуживающий внимания, – это социологическая проверка теории Конта. Согласно теории Конта, общество может достичь прогресса за счет нейтрализации физического неравенства посредством развития интеллектуальных и нравственных сил, которые нередко в обществе подавляются. Ярким примером для нашего анализа является персонаж Ацамаз в сказании: «Ацамаз и Алдар Мысыра». Здесь мы читаем: «Две матери было у Ацамаза, одна та, что родила его, а другая нянчила. Спеленали они его, положили в колыбель и, сидя по обе стороны, качали колыбель и баюкали Ацамаза: «Алоллай, алоллай!.. Из черного и синего булата колыбель скована твоя, из спины великана вырезаны ремни – перевязи колыбели твоей! И неведомо тебе, что вола нашего заколют, что зальют водой наш очаг и по ветру развеют его пепел. Красавицу жену похитили у Нашеран-Алдара, и некого нашему дому послать в войско алдара!» Вот пели они, и вдруг из колыбели сказал им младенец: «Я пойду в войско Нашран-алдара». «Разве стали бы мы плакать, если бы ты мог пойти в войско Нашран-Алдара!», – сказали обе матери. Ничего не ответил им мальчик, только потянулся, уперся в одну боковину колыбельки – вылетела стальная боковина и так раскалилась, пока летела, что, когда упала она в море, до дна высохло море. Уперся он в другую боковину – вылетела стальная боковина, и так долго она летела,

что докрасна раскалилась, и, когда упала она в лес, синим пламенем вспыхнул лес. Уперся мальчик головой в булатное изголовье – на Черную Гору обрушилось изголовье, и тут же во все стороны расползлась Черная Гора» [8, 340].

6. *«Женитьба Батрадза или Симд Нартов».*

Иногда главный герой, лишившийся отца от рождения, мстит за его смерть или же, если отец оказался жив, то снова его обретает, узнав сына по каким-то внешним признакам. Так, в сказании «Женитьба Батрадза или Симд Нартов» Уон, предок нартов, узнает Батрадза по прикосновению к его телу и по проявленному им героизму: «Слезь-ка с коня, – сказал старик. – Когда ощупаю я тебя пальцами своими и проверю строй твоего тела, только тогда поверю я, что ты сын нарта Хамыца. Слез Батрадз с коня и подошел к старику. Несколько раз по всему телу Батрадза пробежали пальцы старика, и он сказал: – Наш ты, конечно. Весь строй тела твоего такой же, как у нашего рода. Но зачем ты приехал сюда? Разве мало того, что я погибаю здесь? Так зачем еще и тебе погибать? – печально сказал старик» [8, 303].

Мы видим, что герои, обладающие двойственным возмещением, часто имеют общие черты характера и признаки: рождение героя и его младенчество, гибель отца или его отсутствие (например, рождение с гибелью отца: Тотрадз и Сослан; отсутствие отца: безымянный сын Урызмага). Отец или братья героя ранее были убиты другим героем, обладающим сверхспособностями (своего рода супергероем). Сам герой должен справиться с ситуацией, противоречащей его нынешнему положению – преодолеть свою уязвимость из-за малолетства, чтобы либо отомстить супергерою, либо сопровождать его.

Как уже упоминалось, позитивисты в социологии, включая О. Конта, рассматривают человека как эгоцентричное существо, стремящееся к утверждению собственной индивидуальности. При этом они подчеркивают, что человек вынужденно подчиняется законам, зависящим от большого количества объективных социальных факторов и считают, что он лишен свободной и независимой воли (см. [9]). Мифы, таким образом, выступали и продолжают выступать в качестве одного из компенсаторов человеческой слабости перед лицом неблагоприятных внешних сил.

Заключение

В осетинском нартовском эпосе нередко обнаруживаются упомянутые обстоятельства, когда герой вынужден принять объективную реальность, например, законы природы или подчиниться более силь-

ным персонажам или же, наоборот, преодолеть собственную физическую слабость, тем самым сопротивляясь предначертанному. Когда младенец вырастает за считанные дни и часы, разрывая пеленки и ломая колыбель, когда животные и растения начинают говорить, поддерживая героя в его пути к победе над врагами, это свидетельствует о том, что миф предоставляет герою инструменты для выполнения его миссии, одной из главных целей которой является преодоление предустановленного и неизменного порядка вещей. Таким образом, черты, которыми наделены мифологические герои, являются нарушением всех тех внешних детерминант, которые препятствуют развитию общества, как это видел О. Конт.

Герои, обладающие двойным возмещением, сталкиваются с рядом общих трудностей:

1) Необычное рождение или быстрый рост (Тотрадз, Батрадз, Саууай, Ацамаз).

2) Рождение героя связано со смертью отца или герой рождается без участия отца. Часто отец или братья героя были заранее убиты супергероем мифа, и основной герой, стремясь отомстить или быть рядом с супергероем, должен преодолеть внешние условия, «работающие» на его слабость. В результате герой, пусть и временно, преодолевает свою уязвимость, чаще обусловленную малолетством (Тотрадз, безымянный сын Урызмага, Саууай).

3) Логика мифа, как правило, на стороне героя: происходят сверхъестественные события, и герой начинает говорить в колыбели, а затем растет чудесным образом, изменяя внешние обстоятельства (Тотрадз, Батрадз, Ацамаз).

4) Иногда герой воскресает для выполнения миссии (безымянный сын Урызмага).

5) Чтобы обрести способность сражаться с врагами, герой за короткий промежуток времени осваивает такие навыки, как верховая езда, стрельба и умение обращаться с мечом (безымянный сын Урызмага, Ацамаз).

6) Герой рождается тайно, вдали от людских глаз (Сослан, Батрадз). Иногда младенец обречен на смерть уже при рождении, и тогда его часто кладут в корзину (ящик) и бросают в воду. Случайные люди спасают его от смерти, по-родительски заботясь о нем. Встречается мотив, когда самки животных вскармливают героя. Позже герой мстит за отца или отец принимает его, узнав в нем сына (Тотрадз, Саууай).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что изучение нартовского эпоса в контексте подходов О. Конта и Э. Дюркгейма является очень перспективным не только для дальнейших нартоведческих исследований. Это позволит рассматривать осетинский мифологический эпос в качестве источника, предоставляющего ценнейший и разнообразный материал для целого ряда наук о человеке.

1. *Саттари Дж.* Мир мифологии. Иранская мифология. Тегеран: Марказ, 2019. 138 с. (на перс. яз.).
2. *Малиновский Б.* Миф в примитивной психологии: мир мифологии / пер. Дж. Саттари. Тегеран: Марказ, 2019. 176 с. (на перс. яз.).
3. *Керенъи К.* Об истоке и основании в мифологии / пер. Дж. Саттари. Тегеран: Марказ, 2019. 232 с. (на перс. яз.).
4. *Тавассоли Дж.* Теории социологии. Тегеран: SAMT, 2021. 552 с. (на перс. яз.).
5. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории / пер. М. Саласи. Тегеран: Наука, 2022. 994 с. (на перс. яз.).
6. *Козер Л.* Мастера социологической мысли: идеи в историческом и социальном контексте / пер. М. Саласи. Тегеран: Наука, 2020. 632 с. (на перс. яз.).
7. *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни / пер. Б. Пархэм. Тегеран: Центр, 2021. Ч. 2. 632 с. (на перс. яз.).
8. *Осетинские нартские сказания* / пер. Ю. Либединского. М.-Владикавказ, 2010. 503 с.
9. *Конт О.* Дух позитивной философии (слово о положительном мышлении) / пер. с франц. И.А. Шапиро. Ростов-на-дону: Феникс, 2003. 256 с.

Статья поступила в редакцию 09.12.2024,
принята к публикации 21.02.2025,
опубликована 31.03.2025

Moradi, Maryam – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Allameh Tabataba'i University (Tehran, Iran); <https://orcid.org/0000-0002-6652-227X>; m.moradi@atu.ac.ir

Rahmani, Marzie – MSc, Department of Social Welfare Planning, Allameh Tabataba'i University (Tehran, Iran); <https://orcid.org/0009-0006-3514-7899>; marzie.rahmani67@yahoo.com

ANALYSIS OF THE IMAGES OF THE HEROES OF THE NARTS' EPIC BASED ON THE SOCIOLOGICAL THEORIES OF E. DURKHEIM AND A. COMTE.

Keywords: myth, Narts' epic, sociology, Emile Durkheim, Auguste Comte.

This research regards myths not as pre-existing entities, but shaped by social, historical, cultural, and psychological factors. The myths of our ancestors continue to resonate in contemporary societies because they encapsulate the desires of both ancient and modern human communities. Although myths often depict elements that are unattainable in the real world, they allow for the realization of unfulfilled dreams. This study employs the sociological theories of positivism and social determinism, as advanced by Emile Durkheim and Auguste Comte, to analyze the protagonists of the Narts' epic. Durkheim suggested that humans possess limitless desires, which must be regulated through social oversight and the imposition of constraints. Society should act as a regulating force to satisfy human moral needs, akin to how the body satisfies physical needs. This concept is reflected in stories where myths restrain the desires of the protagonist – the brave, unmatched warrior – and elevate weaker characters to achieve their goals. The findings indicate that the hero's birth often coincides with the death or absence of his father, compelling the hero to confront and overcome challenges related to his current limitations. The hero may seek revenge against or ally with a superior figure. Through the myth, the hero is able to fulfill his ununrealized desires and transform his limitations into strength and triumph. He achieves legendary growth within a matter of days or even hours, aided by talking animals and plants along his journey to victory. This transformation enables him to overcome adversaries and meet both individual and collective societal demands, all within the context of exaggerated and fantastical events.

For citation: Moradi, M., Rahmani, M. Analysis of the images of the heroes of the Narts' epic based on the sociological theories of E. Durkheim and O. Comte. KAVKAZ-FORUM. 2025, iss. 21(28), pp. 30-40. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.28.21.010

REFERENCES

1. Sattari, J. *Mir mifologii. Iranskaya mifologiya* [The World of Mythology: Iranian Mythology]. Tehran, Markaz, 2019. 138 p. (in Persian).
2. Malinowski, B. *Mif v primitivnoi psikhologii: mir mifologii* [Myth in Primitive Psychology: World of Mythology]. Translated by Jalal Sattari. Tehran, Markaz, 2019. 176 p. (in Persian).
3. Kerenyi, Ch. *Ob istoke i osnovanii v mifologii* [The Root and Foundation of Mythology: World of Mythology]. Translated by Jalal Sattari. Tehran, Markaz, 2019. 232 p. (in Persian).
4. Tavassoli, G. *Teorii sotsiologii* [Theories of Sociology]. Tehran, SAMT, 2021. 552 p. (in Persian).
5. Ritters, G. *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii* [Theories of Sociology in Contemporary Times]. Translated by Mohsen Talasi. Tehran, Elmi, 2022. 994 p. (in Persian).

6. Coser, L. *Mastera sotsiologicheskoi mysli: idei v istoricheskom i sotsial'nom kontekste* [Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context]. Translated by Mohsen Salasi. Tehran, Elmi, 2020. 632 p. (in Persian).

7. Durkheim, E. *Elementarnye formy religioznoi zhizni* [The basic form of religious life]. Translated by Bagher Parham. Tehran, Center, 2021. Ch. 2. 632 p. (in Persian).

8. *Osetinskie nartskie skazaniya* [Ossetian Narts' Epic]. Translated by Yu. Libedinsky. Moscow-Vladikavkaz, 2010. 503 p.

9. Kont, O. *Dukh pozitivnoi filosofii (slovo o polozhitel'nom myshlenii)* [The Spirit of Positive Philosophy (a word about positive thinking)]. Rostov-on-Don, Feniks, 2003. 256 p.

The article was submitted 09.12.2024,
accepted for publication on 21.02.2025,
published 31.03.2025